

РОМАН А.Р. БЕЛЯЕВА «БОРЬБА В ЭФИРЕ»: СУДЬБА ПИСАТЕЛЬСКИХ ПРОГНОЗОВ

Голубков С.А.
г. Самара, Россия

В статье идет речь о прогностической функции романа А. Беляева «Борьба в эфире» (1927). Выделяются два типа художественного прогноза – научно-технический и социальный. Делается акцент на избыточной рациональной исчисленности демонстрируемого утопического социального устройства, приводящей к нежелательной редукции многомерного человеческого бытия. Все части огромного планетарного мира, раздираемого социальными противоречиями, становятся одинаково далекими от гармонической целостности. Технократическая утопия при забвении сложной Личности оказывается бессильной сделать человеческую жизнь счастливее.

Ключевые слова: фантастический роман, художественный прогноз, научные предсказания, технократическая утопия, рационализм, сновидческая реальность, социальная гармония.

Роман знаменитого отечественного фантаста Александра Беляева «Борьба в эфире» был написан в 1927 году. Читатели познакомились с ним сначала в журнальной публикации, а уже затем и с полным текстом, включенным в сборник автора, вышедший в 1928 году. Однако вскоре роман был запрещен цензурой и в поле зрения читателей попал вновь только в годы перестройки. Между тем, это, в известной степени, знаковый беляевский роман, суммировавший многие прогностические догадки и смелые ожидания писателя.

Евгений Харитонов, автор комментариев к романам писателя, вошедшим в двухтомник 2017 года, справедливо называет это произведение «Каталогом научных и научно-фантастических идей»: «Достаточно упомянуть, что в “Борьбе в эфире” А.Р. Беляев одним из первых в мировой фантастической литературе описал андроида – синтез живого человека и машины. А по числу прозорливых научных предсказаний “Борьба в эфире” занимает первое место среди беляевских произведений: электронные музыкальные инструменты синтезаторы (электроорганы), мобильные радиотелефоны, видеотелефоны, воздушные аппараты с вертикальным взлетом, высотная обсерватория, радиочасы, передача факсимильных изображений по радио, ракетные стратосферные корабли, телевидение с центральной фильмотекой, гироскопическая стабилизация летательных аппаратов, видеокарта, радиокомпас, операция по устранению близорукости, пластическая хирургия, электромассажеры, средство для уничтожения волос,

освещение бактериями, телеобщение, светомузыка, автоматизированные боевые машины, машины-мосты, производство искусственных драгоценных камней, звуковое оружие, атомная бомба, развитие атомной энергетики и т.д. и т.д.» [1, с. 603].

В самом деле, все перечисленное комментатором, выступавшее как весьма смелое предположение в далеком 1927 году, сегодня стало простой совокупностью вполне обыденных реалий, лишенных всякого флера таинственной загадочности. Мы в своей повседневной практике стали так называемыми «пользователями» всех этих чудес, по-житейски свыкаясь с ними (за исключением, конечно, ядерного оружия и других страшных технических средств массового поражения). В отличие от героев романа мы не сводим все окружающее к миру радио, пользуясь другими более уместными и современными научно-техническими понятиями: «электроника», «технологии» (мы говорим «электронная книга», «электронные СМИ», «цифровое телевидение», «биотехнологии»). И, тем не менее, писатель оказался удивительно точным в своих прогнозах.

Однако отнюдь не только в этом ценность и смысловая состоятельность старого романа Александра Беляева. Мы ведь можем найти немало смелых прогностических догадок из области техники и в других фантастических сочинениях, созданных в конце XIX – начале XX века и принадлежащих перу разных писателей. Человечество вообще вступало в двадцатый век с самыми радужными надеждами на тотальное торжество технического гения, способного, что называется, в одночасье разрешить многие социальные и экономические проблемы, отягощавшие жизнь человечества на протяжении долгих столетий.

В произведении есть и другой тип футурологического прогноза – прогноз социальный. В беляевском романе, выполненном в форме описания болезненного сна-бреда, привидевшегося центральному герою (что это именно сновидческая реальность, мы узнаем буквально в последних строках романа), дана картина осуществившейся коммунистической утопии. Признаемся, что утопические построения тоже встречались во многих фантастических романах того времени, начиная еще с «Красной звезды» А. Богданова. Что же мешает позитивно воспринимать развернутую Беляевым панораму, казалось бы, достигнутого искомого счастливого бытия? А мешает как раз то же, что и в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы», созданном семью годами раньше, – крайне *избыточная рациональная исчисленность* нового социального устройства. Мы наблюдаем воистину удручающее господство прямолинейной логики, сводящей все богатство многомерных и социально обусловленных психологических отношений

человека с человеком, социумом и миром к простеньким бинарным структурам: «прежде» и «теперь», «мы» и «они», «свои» и «чужие».

Все подверглось унылой рационализации в этом социальном рае. Люди избавляются от волос и бровей, считая волосяные покровы древним атавизмом, и химические средства позволили освободиться от следов такого «дикарства» раз и навсегда. Вместо обычной пищи эти представители будущего глотают таблетки. Кстати, как, действительно, много в эти годы и ученые, и публицисты, и фантасты размышляли об искусственной пище! И это понятно, слишком явным и страшным был призрак Голода, неотступно следовавший за войнами и социальными потрясениями. Кстати, Александр Беляев посвятил этой подлинно животрепещущей теме фантастическую детективную повесть «Вечный хлеб» (1928), фабульная линия которой, увы, развивается в соответствии с логикой известного парадоксального изречения: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Герои романа Беляева пьют и чудодейственные таблетки, которые позволяют моментально восстановить силы, что делает совершенно ненужным сон и приводит к значительной экономии времени (еще бы: ото сна высвобождается целая треть суток!). Все жители этого нового мира носят одежду одного и того же покроя, что отменяет моду и связанные с ней явно «лишние» с точки зрения максималистского рационального сознания затраты денег, материалов, усилий и времени. Обитатель Радиополиса (так именуется то пространство, которое когда-то было Москвой) по имени Эль, взяв на себя функции чичероне, увлеченно рассказывает герою романа: «Мы не имеем городов, мы не имеем правительства, мы не имеем канцелярий. Необходимая в свое время категория «совработников» давно вымерла, как вымерли лошади. Несколько лошадей, между прочим, вы еще можете увидеть в нашем зоопарке, а совработники остались только в виде музейных манекенов. Они, впрочем, очень похожи на оригинал» [1, с. 31].

Читая роман, страницу за страницей, ловишь себя на мысли, что изображенный мир вдруг лишается множества разнообразных красок, тонких оттенков, мягких полутонов, отзвуков и мелодических переливов. Жизнь напоминает слаженный, но совершенно бездушный конвейер. Представительница изображенного в романе нового мира по имени Ли, ассистент астронома Туна, объясняет: «Учет у нас поставлен образцово. Все это делается очень просто, механически. Я вызываю нужную вещь. Механически она подается из склада и присылается сюда по пневматической трубе. Одновременно счетчик отмечает отпуск этой вещи. Тот же автоматический счетчик подводит итоги. К концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо

заготовить для будущего. У нас нет меняющихся мод, и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления, вплоть до летательных машин» [1, с. 46].

Монотонное нагнетание всех этих подробностей приводит к тому, что отображаемый мир начинает отталкивать читателя в силу своего унылого однообразия. И люди, населяющие этот странный мир, физически непривлекательны, с нашей точки зрения. Размышляя о будущем идеале женской красоты и утверждая, что понятия человека о прекрасном изменятся, Эль вполне серьезно говорит: «Она [женщина] будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей...» [1, с. 35].

Современный читатель обнаружит в романе А. Беляева и еще один тревожный момент. Отображенный писателем мир неспокоен, он живет в ожидании схватки. Есть классовый враг, образ которого создается автором по узнаваемым лекалам советской идеологии 1920-х годов, несколько иронически переосмысленным. Это, конечно, пресловутый мир капитала, карикатурно-плакатно отображенная Америка, пространство биржевых воротил, денежных мешков. Нещадно эксплуатируемые работники низведены до положения почти уэллсовских «морлоков» из «Машины времени» и превращены благодаря совершенным медицинским технологиям в своеобразных биороботов, предназначенных для узкоспециализированных производственных функций. И в ожидании такой схватки по обе стороны и видимой, и невидимой линии фронта идет ожесточенная гонка вооружений, на каждое оружие противной стороной создается ответное сверхоружие, на сверхоружие отвечают супероружием, и так бесконечно, как говорится, по нарастающей. Что называется, привет Беляева из 1927 года нашему времени!

Таким образом, прокламируемый героями мир утопической гармонии оказывается окруженным кольцом тотальной дисгармонии. Оказавшись на высоте в области создания совершенных технических и биомедицинских технологий, человечество не сумело достичь тех же высот в сфере социальной организации. Оно вынуждено балансировать между праздными и, вместе с тем, амбициозными утопическими мечтаниями, с одной стороны, и извечно жестокой практикой реальной жизни, с другой. Технический прогресс, как горная река, стремительно несется между неподвижных берегов неисправимо старого мира. И этот неразрешимый конфликт не может не тревожить.

Обе половинки беляевского романного мира (коммунистическое Восточное полушарие и капиталистическое Западное полушарие) одинаково

далеки от гармонической целостности. Эрих Фромм в книге «Иметь или быть?» писал: «Социализм и коммунизм очень быстро из движения за *новое* общество и *нового* человека превратились в ту силу, которая провозгласила идеал буржуазной жизни для всех: *универсальный буржуа* как человек будущего. Молчаливо предполагалось, что когда люди будут жить в благополучии и комфорте, каждый будет безоговорочно счастлив» [2, с. 9].

Возникает противоречие между обладанием и бытием. Обладание дискретно, мозаично. Человек идет от вещи к вещи, гонясь за их количеством. Максимальное количество вещей, ставших своими, создает иллюзию власти. Жизнь по принципу бытия, напротив, заставляет человека стремиться к восприятию своего внутреннего мира как Целого, стремиться к единству со всем внешним миром. «Быть многим, а не обладать многим».

А от обладания всего один шаг к желанию преобладания (одного над всеми). Тут важно еще учитывать мотивацию обладания, ведь бывает и стремление к обладанию как некая мания, психологическая черта, за которой уже стоит не столько материальная выгода, корысть как таковая, а нечто большее и странное – ощущение абсолютной власти, пусть и достаточно беспредметной, виртуальной. Это блистательно раскрыл А. Пушкин в «маленькой трагедии» «Скупой рыцарь». Полубезумный барон Альбер в пьесе открывает свои сокрытые надежными сводами подвала сундуки, полные золотых монет, возжигает свечи и произносит свой монолог, начинающийся словами: «Я царствую! Я торжествую!» Здесь власть явлена как возможность, она лишена своего практического осуществления. Здесь не живой капитал, создающий рабочие места и приводящий в движение кровеносную систему экономики, а мертвое сокровище. Вирус обладания, как и другой вирус – вирус тщеславия, заставляет людей безостановочно потреблять, бесконечно плодить новые потребности и желания.

Жизнь по принципу бытия нацелена на другое – на максимальное использование своих потенций. Обладая независимостью, свободой, критическим мышлением, исповедуя любовь, человек отказывается от эгоцентризма и движется в сторону позитивной гуманистически полноценной активности.

У Беляева же обитатели коммунистического утопического мира, как будто бы освобождаясь не только от эгоцентризма, но и вообще от малейшей выраженной индивидуальности, попадают в тотальную зависимость от Системы. Система реформированной жизни здесь всегда больше, чем отдельная Личность.

Писатель-фантаст обычно предлагает своим читателям знакомство с разными видами художественного прогноза: 1) научно-техническим,

2) социально-политическим, 3) этико-психологическим. Степень достоверности и оправданности таких прогнозов обычно различна. Научная и техническая мысль человека развивается куда стремительнее, чем меняется нравственно-психологическая природа этого человека. А социальным прогнозированием заниматься еще труднее, ибо в этом плане человечество движется отнюдь не поступательно по простой восходящей лестнице бесконечного прогресса. Современные романы-предупреждения и фильмы-предупреждения, романы-катастрофы и фильмы-катастрофы предостерегают землян от необдуманного использования современных могущественных технологий.

Уже цитировавшийся Эрих Фромм утверждал в книге «Иметь или быть?»: «...пока проблемы социальной реконструкции не займут в мыслящих умах современности такого значительного места, какое ныне занимают *наука и техника*, то есть пока *наука о человеке* не станет столь же важной, как *естественные и технические науки*, до тех пор не возникнет возможность увидеть или представить себе реальные альтернативы ныне существующим общественным системам» [2, с. 25].

Литература двадцатого века полна иронических парадоксов, когда неожиданный вывод, казалось бы, совершенно не детерминирован предшествующим тезисом и цепочкой убедительных доказательств. Так, герой романа писателя-эмигранта Василия Яновского «По ту сторону времени» (1967) деревенский пророк Бруно рассуждает о том, что человек идет вперед, постоянно пятясь, то есть, обратившись спиной к жизненной перспективе: «Обычно полагают, что прошлое позади, а будущее впереди. Но в таком случае все бы видели перед своими глазами будущее, а не прошлое! На самом деле человек не лицезрит свое будущее, а только – прошлое. Следовательно, прошлое впереди нас, а будущее – за спиной» [3, с. 174]. Глаза человека обращены в отодвигающееся с каждым шагом прошлое, в детали той дороги, которую он оставил за собой. Уже пройденное он видит воочию, лучше знает, а холодок загадочного будущего лишь неясно ощущает своей спиной.

Эту парадоксальную мысль можно продолжить. Она не столь уж абсурдна, как может поначалу показаться. Напряженное вглядывание в прошлое отнюдь не пустая и праздная затея. Общеизвестно, что через две точки можно провести только одну прямую. Находясь в конкретной точке настоящего, мы ищем вторую точку опоры в прошлом – в традициях, в совокупном выстраданном опыте минувшего (со всеми его иллюзиями, ошибками и заблуждениями). Тогда пунктирное продолжение линии, проведенной через найденные две точки, четко обозначит наиболее

предпочтительный вектор нашего устремления в грядущее, наш дальнейший маршрут.

Всматривание в прошлое делает социального прогнозиста невольным заложником имеющегося исторического опыта просто потому, что другого «строительного материала» для созидания будущего мира у него нет. Это как у детей, которые в своих играх порой, так или иначе, воспроизводят повседневно наблюдаемую ими жизнь взрослых. И делают это потому, что иного опыта у них пока просто нет.

Вся совокупность заключенных в романе «Борьба в эфире» писательских прогнозов и озабоченностей имеет свое закономерное развитие в наше время. И это только доказывает справедливость авторских предположений и тревожных ожиданий. Да, в самом деле, одна лишь доведенная до абсолюта технократическая утопия не способна сделать человеческую жизнь счастливее.

Литература

1. Беляев А.Р. Продавец воздуха: Фантастика отечественная. Москва: Издательство «Э», 2017. 608 с. – (Отцы-основатели: русское пространство).

2. Фромм Эрих. Иметь или быть?; пер. с нем. Э.Телятниковой. Москва: Издательство АСТ, 2017. 320 с. – (Философия – Neoclassic). Выделение в приводимых цитатах отдельных слов принадлежит автору книги.

3. Яновский В.С. Портативное бессмертие: романы; предисл. и коммент. М.О. Рубинс. Москва: Астрель, 2012. 604 с.

С. ЛЕМ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

*Даренский В.Ю.
г. Луганск*

В статье анализируются основные теоретические и методологические принципы, на которых основана работа С. Лема как литературного критика. Показана оригинальность его теории литературного произведения и главных принципов его интерпретации. Анализируются репрезентативные примеры критического анализа С. Лема, а также его общий критический взгляд на процессы в современной литературе.

Ключевые слова: С. Лем, литературная критика, произведение, анализ.